

НИЛ ШУСТЕРМАН

ЖНЕЦ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ш97

Серия «Жатва смерти»

Neal Shusterman
SCYTHE

Перевод с английского *В. Миловидова*

Компьютерный дизайн *Е. Фerez*

Печатается с разрешения издательства Simon & Schuster, Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Шустерман, Нил.

Ш97 Жнец : [роман] / Нил Шустерман ; [пер. с англ.
В. Миловидова]. — Москва : Издательство АСТ,
2020. — 416 с. — (Жатва смерти).

ISBN 978-5-17-106951-3

Мир без голода и болезней, мир, в котором не существует ни войн, ни нищеты. Даже смерть отступила от человечества, а люди получили возможность омоложения, и быстрого восстановления от ужасных травм, в прежние века не совместимых с жизнью.

Лишь особая каста — жнецы — имеют право отнимать жизни, чтобы держать под контролем численность населения.

Подростки Ситра и Роуэн избраны в качестве подмастерьев жнеца, хотя вовсе не желают этим заниматься. За один лишь год им предстоит овладеть «искусством» изъятия жизни. Один год — чтобы стать взрослыми, отказаться от прежних привычек и убеждений. Год невероятного напряжения всех сил — физических и душевных. Потому что, согласно закону, у жнеца не может быть двух подмастерьев, и тот из них, кто окажется слабее, подлежит уничтожению...

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Neal Shusterman, 2016

© Перевод. В. Миловидов, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

*Посвящаю эту книгу Ольге (Людовике)
Нодтведт, далекому другу и поклоннику*

Часть 1

Мантия и кольцо

ЗАКОН ОБЯЗЫВАЕТ НАС вести счет невинным — тем, кого мы лишаем жизни.

Как я думаю, невинны все. Даже виновные. Каждый из нас в чем-то виновен, но каждый несет в себе воспоминания о невинности своего детства — и неважно, сколькими слоями жизненного опыта обернута память о той поре. Человечество невинно; человечество виновато — оба эти утверждения в равной степени неоспоримо истинны.

Закон обязывает нас вести счет.

Все начинается в первый день ученичества, но официально мы не называем это «убийством». Это неверно — ни с моральной, ни с иных точек зрения. Это именовалось всегда и именуется сейчас «жатвой». Каждому ребенку, когда он вырастает достаточно, чтобы понимать что к чему, говорят о том, насколько важна для общества работа жнецов. В современном мире наша миссия окружена почти священным ореолом.

Вероятно именно поэтому мы обязаны вести счет. В общедоступном журнале, обращаясь к тем, кто никогда не умрет, равно как и к тем, кто еще не был рожден, мы объясняем, почему мы, жнецы, делаем то, что обязаны делать. Нам предписывается не просто регистрировать наши действия, но также описывать и чувства — все и каждый должны знать, что таковые у нас имеются. Угрызения совести. Сожаления. Печаль столь сильная, что невозможно вынести. С другой стороны, если бы души наши не разрывались от этих чувств, в каких бы чудовищ мы превратились!

— Из журнала жнеца Кюри.

Глава 1

СОЛНЦЕ НИКОГДА НЕ ПОГАСНЕТ

ЖНЕЦ ЯВИЛСЯ холодным ноябрьским днем, уже ближе к вечеру. Ситра сидела за обеденным столом и сражалась с особенно трудной алгебраической задачей, перетасовывая возможные переменные, не в силах найти значения ни для «икса», ни для «играка». И именно в этот момент новая, фатальная переменная вошла в уравнение ее жизни.

Гости часто являлись в квартиру Терранова, а потому, когда прозвенел звонок, к нему отнесли как к чему-то обычному — солнце не померкло, и ничто не предвещало появления смерти на пороге дома. Вероятно, вселенная должна все-таки располагать соответствующими средствами предупреждения, но в жнецах было не больше сверхъестественного, чем в сборщиках налогов, а потому в великой схеме бытия они занимали самое обычное место. Появлялись, выполняли свои неприятные обязанности и исчезали.

Дверь открыла мать. Ситра не видела гостя — его фигура была закрыта отворенной дверью. Она увидела только, как мать застыла в неподвижности, словно жилы ее мгновенно затвердели. Казалось — толкни ее слегка, и она, упав на пол, разлетится на куски.

— Могу я войти, миссис Терранова?

Тон, которым гость произнес эти слова, выдал его. Звучный голос, таящий саму неизбежность; голос, подобный гулу колокола, убежденного в том, что звучание его настигнет всякого, кто обречен его услышать. Еще не видя вошедшего, Ситра поняла: это жнец. Боже! *Жнец явился в наш дом!*

— Конечно, проходите.

Мать Ситры сделала шаг в сторону, чтобы освободить проход, — словно гостем была она, а не наоборот.

Жнец миновал порог, неслышно ступая по паркетному полу обутыми в мягкие туфли ногами. Его складчатая мантия была сшита из льняной ткани цвета слоновой кости, и хотя она почти касалась пола, на ней не было видно ни пятнышка. Жнецы, как Ситре было известно, могли сами выбирать цвет своей мантии — любой цвет, кроме черного, который не вполне, как считалось, подходил их службе. Черный означал отсутствие цвета, и это противоречило сути жнеца. Сияющие и просветленные, жнецы считались цветом и светом человечества — именно поэтому они и выбирались для этой работы.

Некоторые мантии были яркого цвета, иные более приглушенного. Выглядели они как богатые, струящиеся по воздуху одеяния ангелов, слетевших с картин мастеров Ренессанса — тяжеловесные и одновременно невесомые. Оригинальный стиль мантий, вне зависимости от вида ткани и ее цвета, позволял легко замечать жнецов в любой толпе, а потому без труда избегать встречи с ними, — если вы этого хотели. Многие же не столько уклонялись от такого рода встреч, сколько стремились к ним.

Цвет мантии мог немало рассказать о личности жнеца. Слоновая кость — не столь яркий цвет, как белый, и не так сильно бьет в глаза. Но даже это обстоятельство не позволяло забыть о том, кем был пришедший и зачем он явился.

Жнец откинул капюшон, из-под которого показались аккуратно постриженные седые волосы, скорбное лицо, раскрасневшееся с мороза, и темные глаза, сами по себе казавшиеся оружием. Ситра встала — не из уважения, а от страха. Потрясение было слишком велико. Она старалась сдерживать прерывающееся дыхание, не дать коленям подогнуться. Ноги ее дрожали, а потому Ситре пришлось призвать на помощь свою волю и напрячь мускулы. Зачем бы ни пришел жнец, она не выкажет слабости.

— Можете закрыть дверь, — предложил жнец матери, и та подчинилась, хотя Ситре было видно, насколько ей не по себе. Пока дверь оставалась открытой, страшный гость, стоящий в прихожей, мог еще вполне повернуть назад. Теперь же он был действительно в их доме.

Он осмотрелся и немедленно заметил Ситру. Улыбнулся ей:

— Привет, Ситра!

То, что жнец знал ее имя, привело ее в такой же ступор, в какой впала ее мать, увидевшая жнеца на пороге своего дома.

— Будь вежливой, — сказала мать, с чрезмерной топорливостью. — Поприветствуй нашего гостя.

— Добрый день, Ваша честь.

— Привет! — сказал и младший брат Ситры, Бен, только что появившийся из спальни, привлеченный глухим голосом гостя. Бен едва смог выдавить из себя это двусложное слово — в его голове трепетала та же мысль, что и у его матери и сестры: «За кем он пришел? Не за мной ли? Или я останусь, чтобы переживать потерю?».

— Я уловил в коридоре запах чего-то аппетитного, — проговорил жнец, вдыхая аромат. — Теперь я вижу, что не ошибся: это здесь.

— Только что испекла зити, Ваша честь. Ничего особенного.

До этого момента Ситра и не подозревала, что мать может быть такой робкой.

— Это хорошо, — кивнул головой жнец, — потому что я неприхотлив.

Затем он сел на диван и принялся терпеливо ожидать обеда.

Кто бы мог подумать, что этот человек явился сюда только для того, чтобы пообедать, и более ни за чем? В конце концов, должны же жнецы где-то есть! Обычно рестораны не требуют с них платы, но могут же они захотеть чего-нибудь домашнего! Ходили слухи, будто некоторые жнецы заставляли свою жертву сперва приготовить им поесть, а потом уже занимались своим делом, «жатвой». Может быть, и здесь будет так?

Каковы бы ни были намерения жнеца, он держал их при себе, и у семьи не оставалось иного выбора, кроме как дать ему все, что он хотел. Поощадит ли он жизнь одного из них, если еда придется ему по вкусу, спросила себя Ситра. Неудивительно, что люди иногда бывали готовы переломиться пополам, только бы угодить жнецу. Надежда, выросшая в тени страха, — самый мощный из существующих мотивов.

По просьбе жнеца мать принесла какой-то напиток, а потом принялась делать все от нее зависящее, чтобы этот обед оказался лучшим из тех, которые она когда-либо подавала гостям. Стряпня вовсе не была ее коньком. Обычно она возвращалась с работы такой усталой, что ее хватало только на то, чтобы на скорую руку приготовить для детей что-нибудь немудрящее. Сегодня же сами их жизни зависят от ее сомнительных кулинарных

навыков. А как же отец? Придет ли он домой вовремя, или же «урожай» в его семье будет собран в его отсутствие?

Как ни была Ситра напугана, ей не хотелось оставлять жнеца наедине с его мыслями, а потому она проследовала за ним в гостиную. Бен, испытывавший страх пополам с восхищением, присел с ней рядом.

Наконец гость представился. Его именовали Досточтимый жнец Фарадей.

— Мм... Я как-то делал в школе доклад о Фарадее, — сказал Бен, и его голос дрогнул лишь единожды. — Вы назвали себя в честь реально крутого ученого.

Жнец Фарадей улыбнулся.

— Мне радостно думать, что я выбрал достойного Отца-покровителя. Как и многие ученые, Майкл Фарадей при жизни был недооценен, хотя наш мир без него не стал бы тем, чем он стал сейчас.

— Мне кажется, вы у меня есть в коллекции жнецов, — продолжал Бен. — На карточках. У меня есть почти все Мидмериканские жнецы. Только на карточке вы моложе.

Гостю было, очевидно, около шестидесяти, и хотя его волосы поседели, бородка все еще отдавала солью с перцем. Редко кто из людей доводил себя до такого возраста. Обычно возврат в более юную физическую оболочку происходил гораздо раньше. Ситре было интересно — а какой же у гостя действительный возраст? Сколько лет он уже занимается «жатвой»?

— Это ваши реальные годы, или вы нарочно выбрали внешность конца периода? — спросила она.

— Ситра! — охнула мать, едва не выронив только что снятую с плиты кастрюлю. — Что за бестактность, дочь?

— Я люблю прямые вопросы, — сказал жнец. — Это честные вопросы, а потому я дам честный ответ. Призна-

юсь, я сделал уже четыре полных разворота. Мой истинный возраст — где-то около ста восьмидесяти лет, хотя точную цифру я забыл. Недавно я выбрал эту почтенную внешность, поскольку те, к кому я прихожу в таком виде, чувствуют себя более комфортно.

Он рассмеялся.

— Они видят во мне мудреца, — закончил он.

— Вы к нам пришли, чтобы заняться «жатвой»? — выпалил вдруг Бен.

По лицу жнеца Фарадея скользнула едва различимая улыбка.

— Я пришел на обед, — ответил он.

Отец Ситры появился перед самым обедом. Мать, вероятно, успела рассказать ему о госте, и эмоционально отец был гораздо более подготовлен, чем прочие члены семьи. Войдя, он сразу направился к жнецу, пожал ему руку, попытался изобразить радушие, выказать гостеприимство — хотя такая степень притворства ему явно претила.

Ели в неловком молчании, которое время от времени прерывалось словами жнеца:

— У вас милый дом!

— Какой душистый лимонад!

— Это, вероятно, самая вкусная зити из тех, что запекают в Мидмерике.

И хотя он говорил лестные для хозяев вещи, его голос сейсмическим ударом отдавался в спинах сидевших за столом.

— Я раньше не видел вас в наших краях, — наконец сказал отец Ситры.

— В этом нет ничего странного, — ответил жнец. — Я не отношусь к публичным фигурам, каковыми предпочитают выставлять себя многие другие жнецы. Им приятны огни рампы; я же считаю, чтобы правильно выполнять нашу работу, нужна некая анонимность.

— Правильно? — сама мысль заставила Ситру ощепиниться. — Разве может быть правильный способ «жатвы»?

— Как тебе сказать? — начал жнец. — Во всяком случае есть неправильные способы.

И больше не стал ничего говорить, продолжая с удовольствием поглощать зити.

Наконец, когда обед уже подходил к концу, жнец сказал:

— Расскажите мне о себе.

Это не являлось просьбой или простым вопросом. Истолковать слова жнеца можно было только одним способом: это приказ. Ситра не знала, является ли этот вопрос частью того танца смерти, который он исполняет, или жнец действительно заинтересован. Но ведь он знал их всех по имени, когда явился к ним в квартиру; конечно же он заранее узнал про них и все остальное. Зачем тогда спрашивать?

— Я занимаюсь историческими исследованиями, — сказал отец.

— Я инженер по производству синтетической еды, — проговорила мать.

— И тем не менее вы приготовили все это из простых ингредиентов, — произнес жнец, удивленно подняв брови.

Мать положила вилку.

— Это синтетические ингредиенты, — пояснила она.

— Да, но если мы можем синтезировать что угодно, — сказал жнец, — зачем нам нужны инженеры по производству синтетической пищи?

Ситра увидела, как кровь буквально отхлынула от лица матери. Но на ее защиту тут же встал отец, решивший бороться за жизнь своей жены:

— Всегда есть возможность совершенствовать процессы!

— Да, — вставил словечко Бен. — И у папы работа очень важная.

— Что? Исторические исследования? — жнец пренебрежительно тряхнул вилкой. — Прошлое никогда не меняется. И, насколько я это вижу, будущее тоже.

Родителям и брату было явно не по себе от замечаний жнеца. Ситра же понимала, что тот имеет в виду. Развитие цивилизации было завершено. Все это знали. В том, что касалось человеческой расы, все было известно, и узнать нечто новое не представлялось возможным. А это означало, что ни один человек не мог быть более значимым, чем другой или другие. По сути, если исходить из общего плана бытия, все были в равной степени бесполезны. Именно это имел в виду жнец, и это приводило Ситру в ярость, поскольку — на определенном уровне понимания проблемы — она знала, что он абсолютно прав.

Ситра легко выходила из себя, и это знали все. Она взрывалась, не дожидаясь повода, и остывала уже после того, как наломает дров. Сегодняшний день не был исключением.

— Зачем вы это делаете? — выпалила она. — Вы ведь пришли, чтобы лишить кого-то из нас жизни, верно? Забирайте того, кто вам нужен, и перестаньте нас мучать.

— Ситра! Что ты делаешь? — голос матери дрожал. — Нужно уважать людей!

— Нет! Он пришел к нам исполнить свою работу. Пусть и занимается ею. Он давно решил, кто ему нужен. Жнецы всегда заранее знают, что им делать — еще до того, как переступят порог дома!

Но жнеца, казалось, совсем не смутили слова Ситры.

— Некоторые из нас действительно знают, — сказал он спокойно, — а другие нет. У каждого свои правила.

Бен плакал. Отец обнял его за плечи, но мальчик был безутешен.

— Да, жнецы вынуждены заниматься «жатвой», — покачал головой Фарадей. — Но нам нужно также есть, спать, вести с кем-то простые разговоры.

Ситра схватила его пустую тарелку и отставила в сторону.

— Обед закончен, и вам пора уходить, — почти прокричала она.

Отец приблизился к жнецу. Встал на колени. Ее отец встал на колени перед мужчиной! Это было невыносимо!

— Ваша честь, прошу вас, простите ее. Я беру ответственность за ее поведение на себя.

Жнец неспешно поднялся.

— Не нужно извинений, — проговорил он. — Такого рода выпады здорово освежают. Вы не представляете, как устаешь от одного и того же. От сводников, от подбострастия, от лести, от этой бесконечной чреды подхалимов! Удар по физиономии способен взбодрить. Это напоминает тебе о том, что ты человек.

Потом он отправился на кухню и выбрал самый большой и самый острый нож из тех, что там были. Несколько раз взмахнул им, словно хотел почувствовать, насколько хорошо он рассекает воздух.

Плач Бена становился все громче, а отец все крепче обнимал его. Жнец приблизился к матери. Ситра была готова броситься вперед, чтобы защитить ее от лезвия, но, вместо того чтобы взмахнуть ножом, жнец протянул вперед другую руку.

— Целуйте кольцо, — произнес он.

Никто не ожидал такого поворота событий, и меньше всех — Ситра.

Мать во все глаза смотрела на жнеца, качала головой, словно не хотела верить в происходящее.

— Вы... вы наделяете меня иммунитетом? — произнесла она.

— Да. За вашу доброту и за отличный обед, которым вы меня угостили, я наделяю вас иммунитетом. Сроком на год, во время которого ни один из жнецов не имеет права тронуть вас.

Мать колебалась.

— Пусть лучше иммунитет будет у моих детей, — пробормотала она.

Но жнец по-прежнему протягивал руку матери. Кольцо украшал алмаз величиной с костяшку пальца, с темной сердцевинкой. Такие кольца носили все жнецы.

— Я предлагаю иммунитет вам, а не им, — сказал жнец.

— Но...

— Дженни, не отказывайся, — вступил в разговор отец.

Мать подчинилась. Встав на колени, она поцеловала кольцо. И сейчас же данные о ее ДНК были сканированы и переданы в базу данных иммунного центра, который контролировало сообщество жнецов. В одно мгновение весь мир узнал, что Дженни Терранова может не бояться жнецов все последующие двенадцать месяцев. Жнец посмотрел на кольцо, которое теперь слегка светилось красным, что означало: стоящий перед ним человек имеет иммунитет. Удовлетворенный, он хмыкнул.

И наконец сообщил им правду.

— Я пришел к вашей соседке, Бриджет Чадуэлл, — сказал он. — Но она еще не вернулась, а я был голоден.

Он мягко тронул голову Бена, словно благословлял его. Прикосновение жнеца успокоило мальчика. Затем жнец направился к двери, по-прежнему сжимая нож в руке, не оставляя никаких сомнений по поводу того, каким способом он будет проводить «жатву». Но перед тем как выйти, он повернулся к Ситре.

— Твой взгляд проникает по ту сторону оболочки вещей, в самую их суть, — сказал он. — Из тебя выйдет хороший жнец, Ситра Терранова.

